

едет к князю Московскому Никите Романовичу и жалуется на засилье Литвы:

«Ай же князь Микитушка Романовичъ,
Разорить нашу Москву Литва поганая!»

Никита Романович глубоко задумывается о своей молодости, отлетевшей ясным соколом, и о старости, налетевшей черным вороном.

«Ай же молодость моя молодая!
Улетѣла отъ меня да й во чисто поле,
Во чисто поле да яснымъ соколомъ!
Ай ты старость ты моя да и глубокая!
Налетала ты да изъ чиста поля!
Изъ чиста поля да чернымъ ворономъ
Да й садилася ко мнѣ на плечка на могучи!»¹

Это раздумье дает ему силу. Созревает план чудесного избавления Москвы. Никита превращается в белого горноста, бежит в магазин оружейные и выщелкивает все замки у ружей; затем проникает в конюшни и выторкивает глодочки (т. е. уздечки) у коней. После этого бежит в свою бело-каменную палату, превращается в доброго молодца, и, оседлав богатырского коня, едет против поганой Литвы. Литва бросается по магазинам и конюшням, но видит, что ей нечем воевать с Москвой, и обращается в бегство. Содержание двух других олонекских вариантов такое же, с той разницей, что оба они дефектные: варианту 1860 г. (В. Ф. Миллер, № 197) недостает окончания, где говорится о победе над Литвой, а вариант 1894 г. (В. Ф. Миллер, № 199) не записан до конца и обрывается на 22 стихе, после сообщения о приезде Скопина к Никите Романовичу. Так олонекская версия песни далеко отошла от прототипа: это в сущности другое произведение, в котором вместо исторического сюжета мы имеем дело с сюжетом эпическим — освобождения города посредством хитрости.

Наконец, вариант Осташковского уезда, хотя сохраняет мотив борьбы Скопина-Шуйского с Литвой, но соединяет его с началом, заимствован-

¹ В. Ф. Миллер. Исторические песни, стр. 560, 561.